

Глава 1

В это время дня улица Адамс была почти пуста. Так как она пролежала в районе административных учреждений, вдали от оживленных мест, то люди пользовались ею, только когда им нужно было пройти до ближайшей остановки трамвая или автобуса.

Адвокат Перри Мейсон закончил трудное дело в одном из отделов суда, расположенном далеко от центра. Теперь он медленно вел машину, отдыхая после нервного напряжения судебного заседания. Делла Стрит, зная, как и положено классной секретарше, настроение своего шефа, молчала.

Мейсона всегда занимали люди; насколько это позволяли дорожные обстоятельства, он смотрел по сторонам, наблюдая за прохожими.

Он выехал на крайнюю правую сторону. Машина шла со скоростью всего пятнадцать миль в час.

— Ты заметила, Делла? — спросил он.

— Что?

— Углы.

— И что на углах, шеф?

— Брюнетки.

Делла рассмеялась.

— Они рассматривают витрины?

— Нет, — нетерпеливо ответил Мейсон. — Присмотришься к ним. На каждом углу стоит брюнетка. Каждая одета в темное платье, у каждой на шее какие-нибудь меха. О, на том углу — следующая. Посмотри внимательно, когда мы будем проезжать.

Делла Стрит внимательно рассмотрела стройную брюнетку, стоявшую так, словно ждала трамвай, только ни один трамвай не ходил по этой улице.

— Стройная, — заметила Делла.

— Спорю на пять долларов, что следующая девушка стоит на ближайшем углу, — предложил Мейсон.

— Не принимаю.

На следующем перекрестке действительно стояла брюнетка, выглядевшая так же, как и предыдущие. Тоже одетая в темное платье, с серебристой лисой на шее.

— И много их так стоит? — спросила Делла.

— Стыдно признаться, но не знаю, — сказал Мейсон. — Я видел пять или шесть. Вернемся и посмотрим.

Мейсон подождал подходящего момента, развернулся и поехал по улице быстрее. Делла Стрит знала, в какой степени зависит успех Мейсона от способности молниеносно оценивать людей и доброжелательного понимания человеческой природы, поэтому она не видела ничего особенного в том, что ее шеф, несмотря на ожидающие его срочные дела, свернул с дороги лишь для того, чтобы подсчитать брюнеток, стоящих на углах южной стороны улицы Адамс.

— Ну, — сказал Мейсон через минуту, — мы, наверное, проехали их. Я насчитал восемь.

— Проверьте еще раз, шеф, — улыбнулась Делла.

— Один бог знает, сколько их было перед нами, когда мы решили повернуть. Как ты думаешь, Делла? Попробуем от этой, первой, узнать, в чем заключается развлечение!

— Попробовать всегда можно, — согласилась Делла.

Мейсон развернул автомобиль еще раз.

— Здесь, сразу за углом, мы можем поставить машину, — сказала Делла. — Нельзя пропустить такой случай.

— Действительно нельзя, — согласился Мейсон, оставившая машину у тротуара.

Брюнетка посмотрела на них с явным интересом и сразу же погрузилась в созерцание уличного движения, не обращая внимания на то, что сама является объектом интереса.

Мейсон вышел из машины и сказал:

— Лучше пойдём со мной, Делла, ты придашь немного достоинства этой ситуации.

Делла Стрит быстро выскользнула из машины и взяла Мейсона под руку. Адвокат подошел к молодой женщине и приподнял шляпу. Девушка сразу же подошла к нему, улыбаясь, и спросила:

— Мистер Хайнс?

— Чувствую соблазн ответить «да», — признался Мейсон.

Девушка перестала улыбаться. В ее глазах появилось беспокойство, она внимательно разглядывала Деллу и Мейсона.

— Ничего подобного, что вы подумали, — сказала она холодно.

— Ничего подобного мы и не подумали, — успокоила ее Делла, стараясь говорить как можно более дружелюбным тоном.

— Это что, шутка? — резко обратилась девушка к Мейсону. — Я уже где-то вас видела... А-а, вспомнила. Я видела вас в суде. Мистер Перри Мейсон, правда? Вы — юрист.

— А я его секретарша, — подтвердила Делла Стрит. — Мистер Мейсон удивляется тому, что вы все здесь делаете.

— Мы все?

— На каждом углу улицы, — сказал Мейсон, — стоит брюнетка в темном платье с мехом.

— И сколько их?

— По меньшей мере восемь.

— Я так и предполагала, что кандидатов будет много.

— Вы их знаете?

Девушка покачала головой и сказала:

— Знаю одну из них, это моя подруга, мы вместе живем. Ее зовут Ева Мартелл. А меня — Кора Фельтон.

— Я — Делла Стрит, — представилась Делла, а потом сказала с дружелюбной улыбкой: — Теперь, когда мы познакомились, не можете ли вы сказать нам, что все это значит? Мистер Мейсон не сможет работать, пока не разрешит эту загадку.

— Для меня это такая же загадка, — ответила Кора Фельтон. — Может быть, вы видели случайно это объявление?

Мейсон отрицательно покачал головой. Девушка открыла сумочку, достала из нее газетную вырезку и протянула адвокату.

— Началось с этого, — сказала она.

В объявлении было написано следующее:

«Требуется стройная привлекательная брюнетка, двадцати трех — двадцати пяти лет, рост пять футов и четыре с половиной дюйма, вес сто одиннадцать фунтов, талия двадцать четыре дюйма, грудь тридцать два дюйма. Вес и размеры должны быть абсолютно точными, а кандидатка должна быть готова к интересной, необычной работе за пятьдесят долларов в день в течение по меньшей мере пяти

дней, а самое большое — шести месяцев. Девушка сможет сама выбрать себе подругу-опекуншу, которая будет находиться с ней постоянно за вознаграждение в двадцать долларов в день плюс содержание. Телефон: Дрексберри пятьдесят два тридцать шесть, спросить мистера Хайнса».

— И вы согласились? — поинтересовался Мейсон.

— Да.

— По телефону?

— Да.

— Вы разговаривали с мистером Хайнсом?

— Я разговаривала с кем-то, кто отрекомендовался как представитель мистера Хайнса. Он сказал, что я должна одеться в темный костюм с каким-нибудь пушистым мехом. Одетаая таким образом, я должна быть на этом углу в четыре часа и ждать до пяти. В случае, если от моих услуг откажутся, я должна получить десять долларов.

— Когда вы ответили на объявление?

— Сегодня, около одиннадцати часов утра.

— Это было в сегодняшней утренней газете?

— Да. То есть в специальной утренней газете, которую обычно читают актрисы.

— Вас предупреждали, что будут другие кандидатки?

— Я и так это знала, — рассмеялась Кора Фельтон. — Спусти час после моего телефонного звонка пришла Ева Мартелл, с которой я живу, и я рассказала ей об этом. Ева — брюнетка, мы почти одинаково сложены, можем носить одну и ту же одежду, даже перчатки и туфли.

— И что сказал ей Хайнс?

— Не Хайнс — мужчина, который утверждал, что он его представитель. Он попросил Еву ждать в то же время, но в четырех перекрестках отсюда. Это значит, что между моим звонком и звонком Евы должны были позвонить три другие кандидатки, которые согласились и были допущены к конкурсу.

Мейсон посмотрел на часы.

— Сейчас без пяти пять. Вы ожидаете здесь с четырех?

— Да.

— Вы не заметили ничего особенного? Кто-нибудь присматривался к вам?

— Конечно, — рассмеялась девушка. — Кто бы ни проходил, обязательно разглядывал меня. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой подозрительной. Ворчали на ме-

ня волки, выли койоты и свистели терьеры. Прохожие пробовали приставать ко мне. Одни водители предлагали отвезти меня туда, куда захочу, другие свернули себе шею, глядя на меня.

— Но никто не предложил вам этой работы?

— Ни следа мистера Хайнса. Думаю, что он уже посмотрел на меня или это сделал его представитель. Когда я пришла сюда, то решила хорошенько присмотреться к тому, кто будет меня разглядывать. Но поставьте какую-нибудь девушку, соответствующую описанию, на таком углу — увидите, что нелегко будет обнаружить того, кого нужно. Это поиски макового зернышка в куче песка.

— Очень хитро, — сказал Мейсон с уважением.

— Что именно?

— Способ, при помощи которого Хайнс предусмотрел, чтобы вы его не увидели. Он очень старательно выбрал улицу, отлично подходящую для его цели, — не так далеко от центра, чтобы не пугать вас, и не так близко к универсам, чтобы вы не потерялись в толпе. Эта улица настолько оживленная, чтобы вы не побоялись прийти сюда, но и достаточно пустынная, чтобы вас легко можно было увидеть. Хайнс мог пройти пару раз мимо вас и даже заговаривать с вами, а вы не могли отличить его от других.

— Наверное, вы правы.

— Хитро придумано. Но эти десять долларов при отказе от услуг... любопытно. Вы не будете возражать, если мы подождем, чтобы посмотреть?..

Он замолчал при виде мужчины, приближающегося к ним быстрым шагом. Мужчина приподнял шляпу и спросил:

— Мисс Фельтон?

— Да.

— Я представитель мистера Хайнса. Мне неприятно сообщать вам, что место уже занято. Вот вам обещанные десять долларов за то, что согласились ответить на объявление и пришли сюда. Благодарю вас. До свидания.

Мужчина вручил Коре Фельтон деньги, приподнял шляпу и пошел дальше по улице. Правую руку он сунул в карман, а в левой держал листок со списком кандидаток.

— Подождите минутку! — закричала Кора Фельтон. — Я хотела бы знать...

Он повернулся.

— Извините, но больше я ничего вам сообщить не мо-

гу, мисс Фельтон. Я получил поручение передать вам деньги и извиниться за отказ. Я даже сам не знаю, что все это означает. До свидания.

Он быстро перешел на другую сторону улицы.

— И что вы на это скажете? — спросила Кора Фельтон адвоката. Потом добавила философски: — И так хорошо. Во всяком случае, у меня есть десять долларов, а ведь за просто могли и обмануть.

— Я еду прямо по этой улице, — сказал Мейсон. — Если вы желаете поехать с нами, то мы можем посмотреть, что произойдет с вашей подругой, за четыре перекрестка отсюда. Может быть даже, нам удастся взять интервью у представителя мистера Хайнса.

— Отлично, — улыбнулась Кора. — Мне это нравится.

— Пожалуйста, — Мейсон открыл дверцу машины.

Проезжая по улице Адамс, они увидели, как мужчина платит девушке на следующем углу.

— Ева стоит через две улицы отсюда, — сказала Кора Фельтон.

Мейсон проехал еще два перекрестка, где ожидали очередные брюнетки, и подъехал к тротуару на указанном углу.

— Ева будет страшно рада познакомиться с вами, мистер Мейсон, — сказала Кора. — Она должна быть здесь... Знаете, это странно... Нет, я нигде не вижу ее.

Мейсон остановил машину. Кора Фельтон открыла дверцу и вышла. Внимательно осмотрелась, поглядела на все четыре угла и сказала:

— Наверное, Ева пошла домой. Впрочем, она не особенно-то и хотела получить эту работу. Ева не из тех девушек, что будут стоять на углу час и ждать неизвестно чего. Ну что ж, мне было очень приятно познакомиться с вами, мистер Мейсон. Будет что рассказать Еве, когда вернусь домой.

— Я еду в центр, — предложил Мейсон. — Может, это вам по пути?

— У нас квартира в западной части Шестой улицы. Если вам удобно... Я не хотела бы доставлять хлопоты.

— Никаких хлопот. Я могу с таким же успехом поехать и туда.

Кора Фельтон вновь села в автомобиль Мейсона.

— Это действительно интригующе. Ева вытаращит глаза от удивления, когда я расскажу ей.

Приехав на место, Мейсон остановил машину перед жилым домом.

— А может, вы захотите воспользоваться приглашением и зайти к нам на рюмочку? — улыбнулась Кора Фельтон. — У вас был бы случай познакомиться с женщиной, которая стала бы нашим опекуном, если бы кто-то из нас получил эту работу. Я уверена, что она произвела бы на вас большое впечатление.

— Резкая? — спросил Мейсон.

— Как бритва! Знаете, отвечая на такого рода объявление, человек не знает, какой тут подвох. Я согласилась бы на эту работу только в том случае, если бы мне удалось напустить на этого мистера Хайнса Аделу Винтерс.

Мейсон посмотрел на Деллу и на всякий случай выключил зажигание.

— Расскажите мне об Аделе Винтерс.

— Она была домашней сиделкой. Рыжая и приземистая, хочет жить независимо. Кроме того, она не слишком подчиняется правилам и запрещениям, и потому, наверное, это самая большая вундя на свете. Если только люди начинают ее выспрашивать о делах, которые, по ее мнению, их не касаются, или когда ее вынуждают соблюдать правила, которые ей не нравятся, тетка Адела начинает лгать без всяких угрызений совести и очень ловко. Это очень ловкая лгунья, я таких больше не встречала.

— В каком она возрасте?

— С одинаковым успехом ей можно дать и пятьдесят, и шестьдесят пять лет. Трудно угадать, а сама она ни за что не скажет. Ну, поднимаемся наверх!

— Хорошо, пойдем, — сказал Мейсон. — На обещанный коктейль и чтобы увидеть миссис Винтерс. Вы не думаете, что Хайнс мог быть с ней в сговоре?

— Хайнс никаким образом не мог бы действовать через тетку Аделу. Идемте. Квартира на третьем этаже, у нас автоматический лифт.

— Вы и Ева ищете работу? — поинтересовался Мейсон, когда они поднимались наверх.

— Такого вида работу — да. Мы актрисы, или, по крайней мере, нам так казалось, пока мы не приехали сюда. Мы сыграли по несколько небольших ролей в Голливуде, больше как статистки, и немного работали манекенщицами. Собственно, мы и так справляемся неплохо, но нас всегда интересуют новые контакты. Поэтому мы и согласились

ответить на объявление. Вероятно, это работа для дублера, так точно дали размеры, — вряд ли это что-то другое.

Кора Фельтон встала ключ в замочную скважину и повернула его. Она улыбнулась гостям:

— Вы позволите мне сначала проверить, на всех ли здесь можно смотреть?

Мейсон кивнул.

Стоя в открытых дверях, девушка крикнула:

— У нас гости. Все одеты?

Никто не ответил.

— Это странно, — сказала Кора. — Входите, пожалуйста. Наверное, никого нет дома. О, а это что такое?

Ее внимание привлекла лежавшая на столе записка. Она прочитала ее и без слов подала Мейсону.

«Дорогая Кора!

Это все выглядит странно и таинственно. Я ждала самое большое минут пять, когда мистер Хайнс подъехал на машине, поговорил со мной, сказал, что я подхожу для этой работы, и спросил, хочу ли я иметь опекунку. Еще бы не хотеть! Он привез меня сюда, чтобы забрать тетку Аделу и немного вещей.

Я не уверена, понравится ли мне все это, но рассчитываю на то, что тетка Адела поможет мне остаться живой и невредимой. Я хотела, чтобы мы с мистером Хайнсом подъехали к твоему углу и забрали тебя, и я смогла бы рассказать тебе, что произошло. Но он сказал, что нельзя. Похоже на то, что одним из условий этой работы является отсутствие контактов с кем-либо из моих знакомых на весь срок найма. Это будет продолжаться, наверное, месяц. Рассчитываю на тетку Аделу, а она рассчитывает на револьвер тридцать второго калибра, с которым не расстанется уже несколько лет. Чтобы отпраздновать этот случай, она купила новую коробку с патронами. Мы хотим быть уверенными, что не будет ни одной осечки.

Не беспокойся за нас. Мы вернемся домой богатыми. Ты ведь знаешь тетку Аделу!

Обнимаю тебя, Ева».

Мейсон отдал записку.

— Вы что-нибудь в этом понимаете?

— В записке?

— Нет, в этой работе? Вы уверены, что тетка Адела сможет позаботиться о себе?

— И о себе, и о Еве. Совершенно уверена, — сказала Кора. — Во всяком случае, за Еву не стоит беспокоиться, она не даст себя обмануть. Что вы будете пить? «Манхэттен» или martini?

— «Манхэттен», — ответил Мейсон.

— Я тоже, — сказала Делла Стрит.

Кора Фельтон открыла холодильник, достала бутылку с готовым коктейлем и налила три порции.

— Что ж, — сказал Мейсон, взяв рюмку, — пьем за преступление!

— Ну и тост! — возмутилась Кора.

Глава 2

В четверг утром Герти появилась в дверях кабинета адвоката в тот момент, когда Мейсон и Делла просматривали почту.

— Прошу меня извинить, — сказала девушка, — но такого я не могла сказать вам по нашему телефону.

— Что случилось?

Обычно широкая улыбка Герти на этот раз казалась еще шире.

— Я сказала этой даме, что вы принимаете только лиц, которым заранее назначили прием, а она спросила, как можно заказать у вас визит. Когда я задумалась над ответом, она воскликнула: «Прошу пойти и сказать мистеру Мейсону, что сейчас десять часов и я прошу его назначить мне прием на пять минут одиннадцатого». Я подумала, что Делла захочет сама предварительно поговорить с ней.

Мейсон рассмеялся.

— Она выглядит решительной особой?

— Даже очень. Она похожа на человека, готового на все.

— По какому же делу она хочет меня видеть? Она что-нибудь сообщила?

— Конечно. Она сразу же стала говорить, как только вошла. Она опекунша или названная тетка двух девушек и слышала, что они говорили о вас, или одна из них что-то сказала о вас. Эта женщина заявила, что вы знаете все о ее деле, только что ее саму вы никогда не видели.

— Ты записала, как ее зовут?

— Да, конечно, ее зовут Адела Винтерс.

Мейсон покачал головой:

— Мне это ничего не говорит.

— Минутку, шеф! — воскликнула Делла Стрит. — Адела Винтерс! Эта та опекунша. Помнишь брюнеток на перекрестках улицы Адамс?

— Теперь припоминаю, — ответил Мейсон. — Мужчина, ищущий брюнетку, велел им ждать по одной на каждом углу. Да, конечно, я должен поговорить с этой женщиной.

Герти исчезла, а через минуту Адела Винтерс, низкая женщина с хитрым и настороженным выражением лица, зашла в кабинет адвоката.

— Добрый день, — сказал Мейсон.

Посетительница окинула его подозрительным взглядом.

— Смотрите-ка! Вы адвокат, у вас даже собственный офис, в котором вы принимаете клиентов, правда?

— Правда, — улыбнулся Мейсон.

— Тогда скажите что-нибудь той девушке в приемной. Что она себе думает? Заявила, что вы не принимаете посетителей, которые не договариваются с вами заранее. Тогда я спросила, как люди с вами договариваются, если вы вообще не хотите их видеть? Это на нее наконец подействовало. Теперь я хочу, чтобы вы меня выслушали, и еще я хочу сказать, чтобы вы не присылали мне за это счет, потому что у меня нет денег для оплаты адвокатов. Я хотела сказать вам это в самом начале, чтобы все было ясно. Кто эта женщина?

— Это моя секретарша мисс Делла Стрит.

— Ей можно доверять?

— Несомненно.

— Ну, буду надеяться. И еще: то, что я здесь, останется тайной, хорошо?

— Почему вы думаете, что из этого нужно делать тайну?

— Вы поймете, когда я вам все расскажу.

— Садитесь же, — попросил Мейсон. — Нечасто у нас бывают клиенты, так откровенно ставящие финансовые вопросы. Хотя я не сомневаюсь, что многие бы хотели сказать то же, что и вы.

— Я всегда считала, что нет ничего плохого в том, чтобы прямо сказать то, что думаешь. Взаимопонимание в самом начале может сэкономить массу времени и избежать много хлопот. Это вы подвезли Кору Фельтон в тот день, когда Ева Мартелл получила работу?

Мейсон кивнул головой.

— Кора рассказала мне об этом. К тому же я часто видела ваше имя в газетах. Мне кажется, что вы твердо стоите на ногах, молодой человек.

— Благодарю вас.

— Я не пришла бы к вам, если бы так не думала.

Мейсон молча склонил голову.

— Так вот, работа, которую мы с Евой получили, — самое странное занятие из всех возможных, а, бог свидетель, я видела в своей жизни много странных вещей. Я была домашней сиделкой в течение... ну, многих лет. Ухаживала за самыми разными людьми, включая невротиков и сумасшедших.

— Эта работа имеет что-либо общее с работой сиделки?

— Дорогой мой, — ответила посетительница, — я прямо скажу, потому что не хочу никаких недоразумений. Эта работа связана с убийством.

— Кто-нибудь должен быть убит? — спросил Мейсон.

— Кого-то уже убили.

— Кого?

— Женщину. Некую Хелен Ридли.

— Кто ее убил?

— Господи, откуда мне знать? Как вы думаете, зачем я к вам пришла?

— Именно об этом я и собираюсь узнать.

— Я пришла к вам потому, что вы адвокат, и адвокат способный. А Ева Мартелл и Кора Фельтон мне близки, как собственные дочери. Между нами нет родства, но я ухаживала за их матерями, когда девочки были еще совсем маленькими. И с этого времени, собственно, не спускаю с них глаз.

— Если я хорошо понимаю, то Ева Мартелл была приглашена на работу? — вставил Мейсон.

— Вот именно.

— Может быть, вы расскажете мне точнее, как это произошло?

— Они обе ушли, чтобы попытаться устроиться на эту работу. Я сказала им, что мне это кажется подозрительным, но добавила, что если они возьмут меня опекуницей, то могут не беспокоиться, потому что я согласна. Если какому-то типу кажется, что он найдет таким образом красивую куклу и будет платить опекунице двадцать баксов за то, что-

бы она прикрывала глаза, то он нарвется на неприятную неожиданность.

— Так что произошло?

— Ну, — продолжала она, — я ждала в их квартире, пока девушки не вернутся. Откровенно говоря, я не предполагала, что какая-нибудь из них получит работу, мне казалось, что ни о какой работе там и речи нет. Но сидела и ждала. Вернулась Ева, очень возбужденная, с ней был какой-то мужчина. Сказал, что он не Хайнс, а его представитель, что Ева получила работу и должна приступить к новым обязанностям сразу же. Я уже говорила, что Ева была очень возбуждена. Трудно было этому удивляться, потому что мы получили бы значительную сумму денег, если бы нам обеим заплатили по договоренности и если бы мы были на полном содержании. Все это выглядело заманчиво, поэтому мы пошли.

— Мы с Корой пришли в квартиру сразу же после вашего ухода, — сказал Мейсон. — Я так понимаю, что вы упаковывались очень поспешно?

— Никакой упаковки не было, и это сразу меня насторожило. Он позволил нам взять только самые необходимые вещи, которые можно положить в обычную, не возбуждающую никаких подозрений сумку.

Мейсон вопросительно поднял брови.

— Обычную бумажную сумку из магазина, — сказала она. — Этот мужчина принес ее с собой. Он сказал, что не хочет, чтобы нас видели там, куда мы должны пойти, с каким-то багажом. Мы должны были нести эту сумку так, как будто возвращаемся из магазина с какими-то покупками.

— И куда он вас привез? — спросил Мейсон.

— В роскошную небольшую квартиру. Не в какую-то обычную, а действительно хорошую, современную, трехкомнатную квартиру. Мы вошли туда так, как будто давно там живем. Потом этот тип сказал: мистер Хайнс снимает эту квартиру, только не на свое имя, а на имя Хелен Ридли. В условиях договора предусмотрено, что ему нельзя сдавать эту квартиру никому другому, и поэтому, чтобы ее не потерять, Ева должна выступать под именем Хелен Ридли. И мы должны всем говорить, что ее так зовут, а она сама должна будет помнить об этом, когда к ней будут так обращаться. Потом он нам долго рассказывал о том, как трудно было найти эту квартиру, как управляющая домом хотела помочь им, но не желала слишком уступить, потому что по-

теряла бы свое место. Во всяком случае, Ева должна выдавать себя за Хелен Ридли, и тогда все будет в порядке.

— И что вы ответили на это?

— Я не поверила ни единому его слову, — сказала миссис Винтерс воинственным тоном. — Сразу, как только он начал говорить, я догадалась, что это какая-то паскудная афера, но решила сидеть тихо, пока он сам не проговорится. Я была принята на работу как опекунша и решила выполнить свою задачу как можно лучше. Мистер Хайнс не может тут рассчитывать ни на какие фигли-мигли.

— Вы можете сказать, как он выглядит? — спросил Мейсон.

— Ему около тридцати лет, темные волосы, вылупленные глаза, и он носит очки. Высокий, слегка как бы тестообразный.

— Скорее всего, это тот же самый мужчина, который позже заплатил остальным брюнеткам по десять долларов.

— То же самое сказала Кора, когда я ей его описала.

— Итак, Ева Мартелл была поселена в этой квартире как Хелен Ридли. Было что-нибудь в этой квартире?

— Было ли там что-нибудь! — повторила Адела Винтерс. — Там было абсолютно все. Одежда, белье, нейлоновые чулки, кремы — все, что может быть необходимо женщине. А этот представитель мистера Хайнса...

— Он сказал, как его зовут?

— За кого вы меня принимаете? — спросила она обиженным тоном. — Это ведь очевидно, что Хайнсом был он сам. Это он написал объявление и напечатал в газете, это от начала и до конца его рук дело. Я убеждена в этом.

— Но он ни разу не назвал своего имени?

— Нет, он постоянно повторял, что является представителем мистера Хайнса. Одно я вам скажу точно: он быстро действует. Завел нас наверх, в квартиру, велел нам ждать там, пока он не вернется, и чувствовать себя как дома. Потом очень поспешно ушел, наверное, для того, чтобы сказать другим девушкам, что место уже занято. Вернулся через полтора часа и сообщил нам немного больше подробностей.

— И что это за подробности?

— Прежде всего он сказал нам, что мы должны полностью отключиться от нашей обычной жизни, должны жить в этой квартире и не поддерживать никаких контактов, кроме тех, что позволит Хайнс. Нам нельзя звонить ко-

му-либо из знакомых, нельзя ни писать письма, ни попробовать связаться каким-либо другим способом.

— Он сказал почему?

— Нет. Именно в этом и состоит наша работа. Он сказал, что так должно быть, что это относится к нашим обязанностям. Ева Мартелл должна быть Хелен Ридли. Я должна выступать под собственным именем и исполнять роль подруги и опекуниши. Нужно производить впечатление, что Хелен Ридли болеет, и с каждым днем все серьезнее. Ева должна почти не выходить из дома, и если кто придет, то мне нужно отвечать, что ее состояние не позволяет ей никого видеть. Если бы я поняла, что это кто-то из хороших знакомых, то должна была отвечать, что она вышла. Если кто-то позвонит, то я должна отвечать, что мисс Ридли позвонит через некоторое время, и записывать номера телефонов. Потом я должна звонить Хайнсу и сообщать об этом. И это все. Хайнс сказал еще, что если мы будем выходить из дома, то Ева должна надевать только те вещи, что есть в квартире. Это значит, что ей запрещено носить свою одежду. Теперь вы понимаете, мистер Мейсон, почему ему нужна была девушка со строго определенными размерами? Вся затея — это изображение другого человека.

По выражению лица Мейсона было заметно, что он заинтересовался этим делом.

— А вы? Какие вещи должны были носить вы?

— Ох, — буркнула Адела Винтерс, — он сказал, что это не имеет значения. Я могу быть одета все равно во что, даже если мы будем выходить. Конечно, я сразу сказала, что я об этом думаю. Сказала ему, что либо буду иметь в чем выходить, либо сразу же уйду с работы.

— И что он ответил?

— Сегодня он наконец позволил мне съездить за моими вещами, но уперся, что отправится со мной. Сказал, что возьмет мои вещи и постарается, чтобы их доставили в квартиру. И вы знаете, каким способом он хочет, чтобы их привезли?

— Любопытно.

— Намеревается оплатить прачечную, чтобы все привезли постиранное и на вешалках, так, будто это мы отослали вещи в стирку. Ему явно нужно, чтобы мы не вносили и не выносили из квартиры никакого багажа.

— А что с близкими приятелями Хелен Ридли? Как он собирается поступать с ними?

— Очевидно, так же, как со всеми, кто будет звонить. Если будет телефонный звонок, то я должна поднять трубку, записать фамилию звонившего и сказать, что мисс Ридли вышла или занята. И сразу же должна позвонить ему.

— Кто-нибудь уже звонил?

— Да, два раза.

— И он потом велел Еве отвечать на звонок?

— Нет.

— А если позвонят повторно и спросят, почему Хелен не ответила на звонок?

— До сих пор никто не звонил. Если бы это случилось, то мистер Хайнс велел мне отвечать, что я передавала мисс Ридли сообщение, но она очень спешила к врачу и, наверное, позвонит оттуда.

— Хайнс дал вам номер своего телефона?

— Да. Это тот самый, что был напечатан в объявлении.

— А вы проверили, имеется ли он в телефонной книге?

— Проверила, но такого номера нет.

— Но если он держит вас там отрезанными от мира, то как получилось, что вы разговаривали с Корой Фельтон и смогли прийти сюда?

— Неужели вы думаете, что я позволила бы себя обдурить? Я вместе с Хайнсом поехала за моими вещами, и, когда я их забрала, Хайнс взял у меня вещи и вызвал такси. Когда я уже сидела в машине, он отвел таксиста в сторону и долго о чем-то с ним говорил, а потом дал ему деньги. Затем снял шляпу и сказал мне, что увидимся на квартире и что шофер знает, куда ехать. Как только мы тронулись с места, я сразу же спросила водителя, куда он меня везет. Он назвал мне наш адрес. Тогда я сказала, что хотела бы остановиться по дороге у телефона. На это он улыбнулся и ответил, что исключено. Сказал мне, что ему поручено не останавливаться и ехать прямо по указанному адресу. И что же оказалось? Хайнс сказал ему, что у меня в голове не все дома и если бы я очутилась на улице, то не смогла бы потом попасть домой. Что последние два или три раза меня нужно было разыскивать при помощи полиции. Что я, правда, совсем безвредна, только у меня не хватает чего-то в голове и что меня ни в коем случае нельзя выпускать, прежде чем мы не приедем по указанному адресу. Потом шофер дол-

жен был еще присмотреть, чтобы я вошла в дом и направилась прямо в квартиру.

— И что вы сделали?

— Рассказала этому таксисту сказочку. Заявила, что это был мой зять, который всегда отмачивает шуточки, и что я надеру ему уши за это, как только вернусь домой. Потом я попыталась убедить водителя в том, как отлично ориентируюсь в городе. Назвала все улицы, по которым мы проехали, и перечислила все повороты с того момента, как мы отъехали от дома. Это его наконец убедило, и он позволил мне выйти. Тогда я позвонила Коре. К счастью, она была дома, и я ей все рассказала. Кора сказала, что на всякий случай, если бы мои подозрения оказались правильными, лучше всего пойти прямо к вам. Она была уверена в том, что вы знаете, что со всем этим делать.

— А что вы об этом думаете?

Она посмотрела на него взглядом, полным снисхождения.

— Но ведь вы — адвокат. Разве вы не понимаете, что все это значит?

Мейсон покачал головой. Адела Винтерс ужаснулась.

— Это вовсе не Хайнс, этот тип. Он просто муж Хелен Ридли. Убил ее, избавился от тела, а теперь что-то придумал, чтобы все это дело не вышло наружу. Поэтому и платит нам с Евой, чтобы мы жили в этой квартире и чтобы все выглядело в порядке. Потом, спустя некоторое время, велит нам рассказывать, что мы уезжаем, и наконец мы запакуем вещи и уедем, заявляя всем, что уезжаем в Мексику или еще куда-нибудь.

— Всем — это значит кому?

— Ну, всем подругам Хелен Ридли.

— А не кажется ли вам, что если бы какая-нибудь подруга Хелен Ридли увидела Еву Мартелл, то сразу бы все поняла.

— Конечно же, поняла бы. Но, очевидно, у нее нет таких подруг, которые пришли бы к ней домой, заранее не позвонив. И тут начинается вся эта грязная работа. Он может объявить, что состояние здоровья его жены ухудшилось в Мексике и что она умерла.

Мейсон кивнул головой, но в его жесте не было согласия. Он хотел таким образом прервать бесплодные рассуждения, и видно было, что хочет сосредоточиться на самых

существенных фактах. Но Аделу Винтерс нелегко было прервать.

— Я не такая уж наивная и не сегодня родилась. У этого человека есть ключи от квартиры, и он является хозяином. Знает, где лежит, включая даже пару шелковых трусов. Двигается в этой квартире, как у себя. Видно, что он жил там. Угробил эту мисс Ридли, и теперь ему нужно немного времени, чтобы избавиться от тела и придумать какой-то план действий. Для этого мы и нужны, чтобы он мог как-то из этого вывернуться.

— Естественно, — сказал Мейсон, хмурия брови, — есть в этом деле несколько пунктов, которые противоречат вашей теории. Прежде всего, почему он оставляет вокруг себя так много следов? Его можно выловить по объявлению в газете. Во-вторых, то, что знаете вы и Ева Мартелл, добило бы его окончательно. Если уж он зашел так далеко, то теперь он должен был бы постараться, чтобы и вы обе исчезли бесследно. И так быстро, как только вы дадите ему алиби, или что там ему нужно. Мне кажется, что более правдоподобной была бы гипотеза, что он только собирается убить Хелен и разрабатывает себе алиби — доказывая, что Хелен была дома, когда где-то в другом месте в это же самое время было совершено убийство. Но каким образом он мог бы это доказать?

— Послушайте меня, молодой человек! Вы можете поставить последний доллар на то, что здесь кроется убийство. Даже ее сумочка находится в доме.

Мейсон скептически поднял брови.

— Наверное, какая-нибудь старая сумочка, которой она не пользуется.

— Вовсе нет. Это ее собственная сумочка!

— Откуда вы знаете?

— В сумочке ее вещи.

— Какие?

— Помада для губ, пудреница, носовой платок, визитные карточки, кошелек с тремя долларами мелочью и кожаный футляр с дюжиной ключей внутри.

— Ключи от квартиры? — спросил Мейсон.

— Только один из них.

— От чего же другие ключи?

— Не знаю.

— А как они выглядят?

— Не думаю, чтобы эти ключи были от банковских сей-

фов, если вы это имеете в виду. Они выглядят как обычные ключи.

— Номер страхового полиса?

— Страхового полиса не было.

— Водительские права?

— Тоже не было.

— Мне кажется, что эта сумка была подложена умышленно.

— Это возможно, хотя лично я думаю, что нет. Говорю вам, что мисс Ридли убита. Это для меня так же очевидно, как то, что я здесь сижу. Вы, наверное, слышали о женской интуиции?

— Слышал, — ответил Мейсон с легкой гримасой, — но полиция об этом ничего не знает.

— Это чувство не покидает меня с тех пор, как я вошла в квартиру. Там чувствуется убийство, а Ева Мартелл и я играем роль дымовой завесы для убийцы. Вы адвокат и ответственный человек. Если вы мне скажете, что в том, что мы делаем, нет ничего противозаконного, то мы сможем оставаться там. Вы берете на себя ответственность...

— Минутку, минутку, — усмехнулся Мейсон. — Прежде всего, вы пришли ко мне только потому, что я разговаривал на улице с Корой Фельтон. У вас нет денег, чтобы платить адвокатам, и вы не намерены мне платить. Я не государственный чиновник. Если вы хотите быть уверены, что это дело чистое, то я рекомендовал бы вам обратиться в полицию.

Она снова нахмурилась.

— Хорошо бы я выглядела, если бы пошла в полицию и рассказала им о своих подозрениях. Интересно, для чего существуют адвокаты, если не для того, чтобы давать людям советы?

Телефон на столе Деллы Стрит зазвенел. Делла вопросительно посмотрела на Мейсона, а когда тот утвердительно кивнул головой, сняла трубку.

— Да, это секретарь мистера Мейсона... Кто? Ах так... Добрый день... Да, да... Еще неизвестно... Прошу подождать у телефона.

Делла положила трубку на стол, вырвала из блокнота лист и написала на нем: «Звонит Кора Фельтон. Она очень нервничает. Хотела бы с тобой поговорить. Знает, что миссис Винтерс здесь».

Она подала листок Мейсону, тот прочитал, кивнул, поднял трубку своего телефона и сказал:

— Герти, переключи разговор Деллы на мой аппарат... Слушаю.

— Добрый день, мистер Мейсон, — голос Кору Фельтон был полон смущения. — Извините, что беспокою вас. Думаю, что это несущественное дело по сравнению с теми, которыми вы занимаетесь в своей практике. Но так как вы об этом уже знали и неофициально были в курсе... то я думала... Видите ли, я не знаю, в какое положение попала Ева... Сколько бы стоило, если бы мы попросили вас изучить это дело, по крайней мере настолько, чтобы знать, не совершает ли Ева чего-либо противозаконного?

— Думаю, что для вас вполне реально, — сказал Мейсон, — по крайней мере, касательно финансового вопроса.

— Сердечно вас благодарю, мистер Мейсон, это было бы для меня громадным облегчением. Правда, я верю, что тетка Адела сможет справиться, но ситуация настолько необычная, что, может, нужно было бы поставить в известность полицию. Это, однако, крайность, к которой я не хотела бы прибегать. Не могли бы вы изучить это дело настолько, чтобы решить, нужно ли сообщать в полицию? И сколько все-таки это будет стоить?

— Стоимость будет, скорее всего, символическая, — сообщил Мейсон. — Вы уполномочиваете меня сказать оспе, находящейся здесь, об этом звонке?

— Вы имеете в виду тетку Аделу?

— Да.

— Очень об этом прошу. Она всем этим очень расстроена и...

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Если вы дадите мне номер своего телефона, то я позвоню позднее.

Мейсон записал номер на карточке, положил трубку и обратился к Аделе Винтерс:

— Это была Кора Фельтон. Она официально наняла меня. Я буду вынужден поговорить с этим мистером Хайнсом. Прошу, чтобы вы точно выполнили все мои поручения. Возвращайтесь в квартиру и не говорите Хайнсу о своем визите ко мне. Пусть ему кажется, что вы поехали на такси прямо домой. Такси ждет или вы его отпустили?

— Ждет. Я думала, что Хайнс может приехать туда раньше меня, и если бы он увидел другого водителя...

— Отлично, — сказал Мейсон. — Возвращайтесь в

квартиру и ведите себя так, как будто ничего не произошло. Я позвоню приблизительно через час. Представлюсь вам как Перри Мейсон, адвокат, и скажу, что должен поговорить с мисс Ридли. Скажу, что приеду через четверть часа, чтобы увидеться с мисс Ридли по очень важному делу, и если не застану ее, то уведомя полицию. Тогда вы позвоните Хайнсу по тому номеру, который он вам дал, и повторите свой разговор со мной. Вы спросите, что делать, но прошу не показывать, что вы меня знаете, и не говорите, по какому делу я звоню.

— Вы думаете, что Хайнс будет в квартире, когда вы придете? — спросила она.

— Либо будет в квартире, — сказал Мейсон, — либо будет удирать из этой страны со всех ног, в зависимости от того, что он там придумал.

— Ну хорошо, — вздохнула она с облегчением, — вы сняли у меня тяжесть с сердца. Наверное, я не должна говорить вам, но я не беспокоюсь по пустяковым поводам. Мне случалось попадать в щекотливые ситуации. Но здесь что-то есть... может, влияет мрачное настроение той квартиры... Там чувствуется, что кто-то убит. У меня мурашки бегают по коже...

— И еще одно, миссис Винтерс, — добавил Мейсон. — Не крутится ли там какой-нибудь мужчина? Не поручено ли вам встретиться с кем-нибудь так, чтобы вас видели?

— Только Хайнс. Каждый вечер он водил нас на ужин.

— Куда?

— В маленькие ресторанчики — приятные, но совсем небольшие.

— Сказал, с какими намерениями?

— Нет, конечно нет. У меня в сумочке есть оружие, и я умею им пользоваться. Если бы он стал приставать к Еве, то я смогла бы осадить его на месте. Если бы он стал грубить, то я вмиг бы показала ему дуло, так, на всякий случай, чтобы не увлеклся.

— У вас есть разрешение на ношение оружия?

— Нет.

— Тогда советую избавиться от револьвера. Вы можете приобрести массу неприятностей.

— Прошу обо мне не беспокоиться. Я сама справлюсь. Прошу заняться тем, чтобы с Евой все было в порядке. А я буду заботиться о себе, заверяю вас, что всю жизнь у меня это неплохо получалось.

— Лучше достаньте себе разрешение на ношение оружия либо избавьтесь от револьвера. И ничего не предпринимайте, пока я не приеду. Возвращайтесь и спокойно ждите.

— Договорились, мистер Мейсон.

— Помните, что я позвоню через час. А теперь поезжайте и сделайте так, как я вам говорил.

Глава 3

Без двадцати двенадцать Мейсон поднялся по лестнице, ведущей в холл жилого дома, и нажал на таблице домофона кнопку у визитной карточки Хелен Ридли.

Почти тотчас же прозвучал сигнальный зуммер, давая понять, что двери открыты. Мейсон вошел в холл, сел в лифт и поднялся на четвертый этаж. Поискал в коридоре номер квартиры и решительно постучал в дверь.

Она открылась сразу же. Мужчина на пороге вежливо поклонился и протянул руку. Это был тот самый человек, который выплатил Коре Фельтон десять долларов.

— Мне очень приятно познакомиться с вами. Ведь вы Перри Мейсон, известный адвокат? Это для меня действительно большое удовольствие. Будьте добры, проходите.

— Я хотел бы поговорить с мисс Ридли, — сказал Мейсон, проходя в квартиру.

— К сожалению, мисс Ридли страдает очень сильной головной болью и... — Мужчина внезапно остановился. — Ах!..

В тот момент, когда Мейсон входил в комнату, на его лицо упал свет, и только тогда представитель мистера Хайнса узнал его. В голубых выпуклых глазах мужчины за толстыми линзами очков отразилась растерянность. В том месте, где очки опирались на выдающийся нос, появились два красных пятна.

— Мистер Мейсон! — воскликнул он. — Я не знал, что вы были... ну, что мы уже встречались.

— Да, я вас уже видел, — подтвердил Мейсон.

— Тогда, когда я платил непринятой кандидатке.

— Да, именно тогда.

Мужчина потер подбородок кончиками пальцев.

— Это осложняет положение, — медленно произнес он.

— Почему же?

— Что ж... Я хотел бы знать, какое отношение вы имеете к происходящему.

— А я хотел бы знать, — жестко сказал Мейсон, — какое отношение к происходящему имеете вы. Вы можете назвать мне свое имя? Вы и есть мистер Хайнс?

— Ну, скажем, я его представитель.

— Я спрашиваю ваше имя.

— Что ж, если для вас это так важно, то пусть. Да, мое имя Роберт Доувер Хайнс.

— Это важно, — подтвердил Мейсон. — Садитесь. Где Хелен Ридли?

— Я уже сказал вам, что она страдает головной болью.

— Это не сходится с фактами, насколько я их знаю. Перестанем играть в прятки. В чем заключается ваша игра?

— Дорогой мистер Мейсон, уверяю вас, что... Вы можете сказать, что конкретно вас интересует?

— Я хочу говорить с Хелен Ридли, — сказал Мейсон.

— В настоящую минуту это невозможно.

— Невозможных вещей нет. Этот телефон работает, не так ли?

— Да, но я не вижу, какое это имеет отношение к вашему визиту.

— Я был проинформирован, — сказал адвокат, — что с мисс Ридли можно разговаривать по телефону. Я хочу поговорить с ней лично и сейчас. Хочу, чтобы она удостоверилась, что является той особой, за которую себя выдает. Если она не сможет этого сделать, то по этому же телефону я сообщу в полицию.

— О чем же вы сообщите? — с изысканной вежливостью осведомился Хайнс.

— Узнаете, когда я буду говорить, — жестко ответил Мейсон. — Если вам так интересно, то только кивните — и можете начать слушать.

Хайнс обхватил рукой подбородок и стал его тереть.

— Действительно, неудачно складывается, — сказал он все еще сладким голосом.

— Для кого?

— Для всех заинтересованных лиц.

— Я — заинтересованное лицо, — сказал Мейсон, — и не вижу ничего для себя неудачного.

— Разрешите спросить, как вы узнали об этой квартире?

— Вы можете спрашивать о чем вам угодно, — ответил

Мейсон. — Если я посчитаю нужным, то отвечу, а если нет — то нет. А пока спрашиваю я: где Хелен Ридли?

— Пожалуйста, не будем останавливаться на этом вопросе, поговорим, как разумные люди. Может быть, мы найдем какую-нибудь дорогу для взаимопонимания. Думаю, что если бы вы были откровенны и сказали мне...

Мейсон быстро подошел к ближайшей двери и открыл ее. За дверью оказался платяной шкаф. Хайнс кинулся к адвокату.

— Вы не имеете права устраивать здесь обыск. Я решительно прошу вас...

Мейсон отодвинул его в сторону и открыл следующую дверь. Эта вела в спальню. В комнате сидела Адела Винтерс, сложив руки на коленях и торжествующе улыбаясь. Рядом находилась брюнетка, похожая внешне на Кору Фельгон. Девушка выглядела испуганной.

— Мисс Ридли? — Мейсон поклонился.

— Да, это мисс Ридли, — ответил Хайнс из-за его плеча.

— Головная боль у вас прошла? — спросил Мейсон.

— Я... Я...

— Подождите, мистер Мейсон, — запротестовал Хайнс. — Такие действия с применением силы являются противоправными и...

— Здесь есть телефон, — сказал Мейсон. — Вызовите полицию. Потребуйте, чтобы меня арестовали.

— Но, пожалуйста, — воскликнул Хайнс, — будем благоразумны!

— Это мне подходит, — согласился адвокат. — Это ваша партия, вы ее и разыгрывайте, а я попробую приспособиться.

— Хорошо. Пройдемте в гостиную и сядем.

— Дамы, надеюсь, будут нас сопровождать?

Женщина, которая, по предположениям Мейсона, была Евой Мартелл, неуверенно взглянула на Хайнса, но Адела Винтерс сразу же вскочила на ноги.

— Идем, моя дорогая, — сказала она и добавила: — Этот господин, наверное, и есть мистер Мейсон, который звонил мне приблизительно час назад.

— Да, я Перри Мейсон, адвокат.

— Теперь, если вы позволите, я кое-что скажу, — быстро вмешался Хайнс.

— Я только этого и жду, — ответил Мейсон.

— Я имел в виду только дам.

— Перестанем дурить друг другу голову, мистер Хайнс. Вы поместили в газете, которую читают все актрисы, объявление, при помощи которого искали женщину со строго определенными внешними данными, предлагая им очень таинственную и хорошо оплачиваемую работу. Вы велели им всем одинаково одеться и расставили на перекрестках улицы Адамс. В конечном итоге вы остановили выбор на этой девушке. Вероятно, потому, что она больше всех напоминает женщину, за которую вы хотите ее выдать. Так вот, меня просили исследовать это дело настолько, чтобы убедиться, что в нем нет ничего противозаконного.

— Кто вас об этом просил?

— Мой клиент.

Хайнсу, очевидно, делалось все больше не по себе.

— Меня этот ответ вряд ли может удовлетворить.

— Для меня он вполне достаточный.

— Вы хотите убедиться в том, что действия, которые вы определили как фальсификация личности, являются легальными?

— Да.

— А если я сумею убедить вас, что это совершенно легально?

— Тогда мне больше нечего здесь будет делать. Раз эта молодая особа хочет заработать деньги, не нарушая при этом законы, то я ничего против не имею.

— Мы могли бы поговорить наедине?

— Именно здесь.

— Я сказал — наедине.

— У нас здесь максимум уединенности.

— Хорошо, сядем, — сказал Хайнс, отчаявшись. — Знаете... вы меня совершенно ошеломили. Прошу дать мне немного времени, чтобы прийти в себя.

Ева Мартелл и Адела Винтерс сели на диван, Мейсон расположился в кресле напротив них. Хайнс, подумав, придвинул стул и сел у стола.

— Я, — обратился Хайнс к Мейсону, — решил быть с вами откровенным.

— Это очень хорошо, — сказал Мейсон, — однако сперва проверим, в порядке ли ваши счета. Вы выплатили этим женщинам условленные суммы?

— Еще нет.

— Может быть, вы заплатите им деньги?

— Сделаю это с удовольствием, но у меня нет желания

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЛО НАЕМНОЙ БРЮНЕТКИ. Роман.	
<i>Перевод А. Николаева</i>	5
ДЕЛО ЛОШАДИ ТАНЦОВЩИЦЫ С ВЕЕРАМИ.	
Роман. <i>Перевод С. Большакова</i>	189
ДЕЛО О ЛЕНИВОМ ЛЮБОВНИКЕ. Роман.	
<i>Перевод Г. Усовой</i>	379
ДЕЛО ОДИНОКОЙ НАСЛЕДНИЦЫ. Роман.	
<i>Перевод М. Жуковой</i>	567